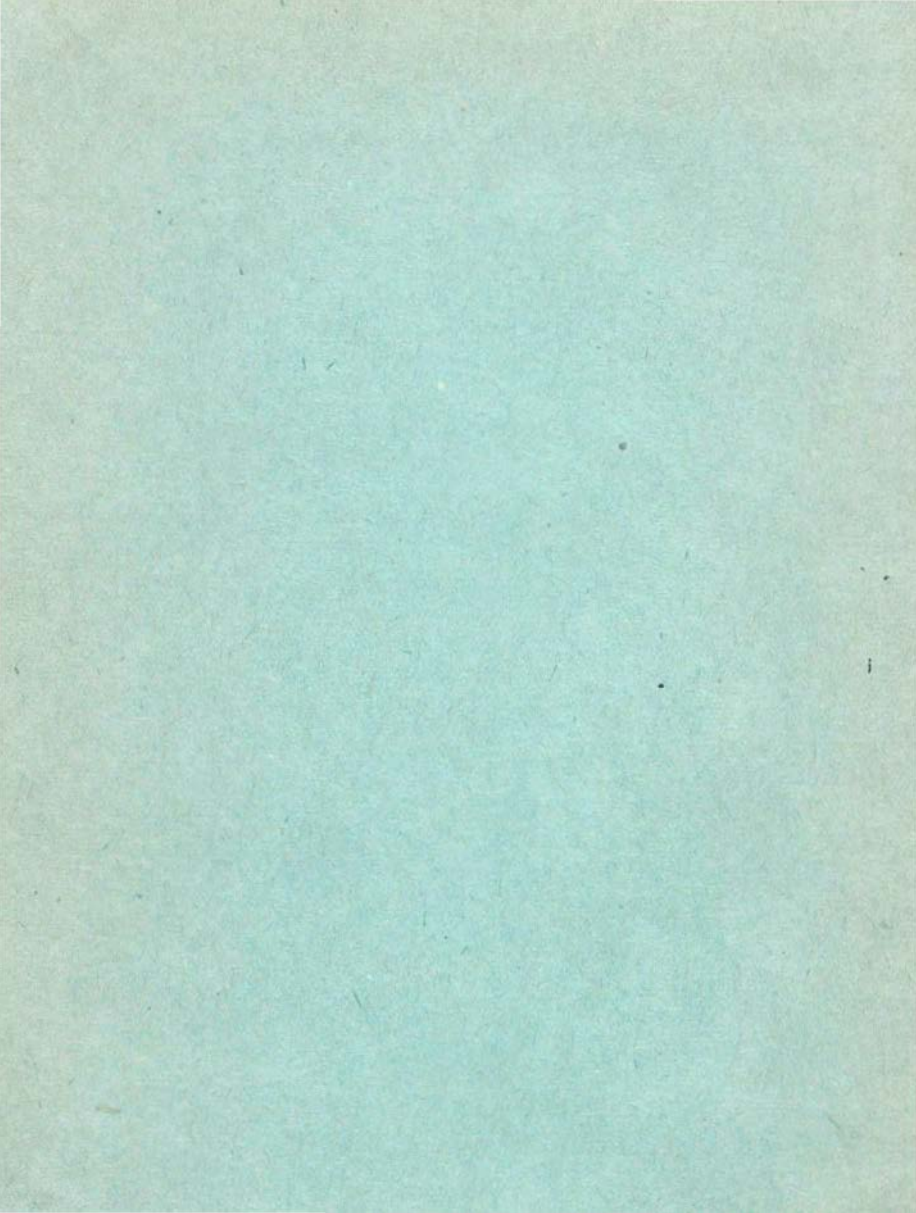
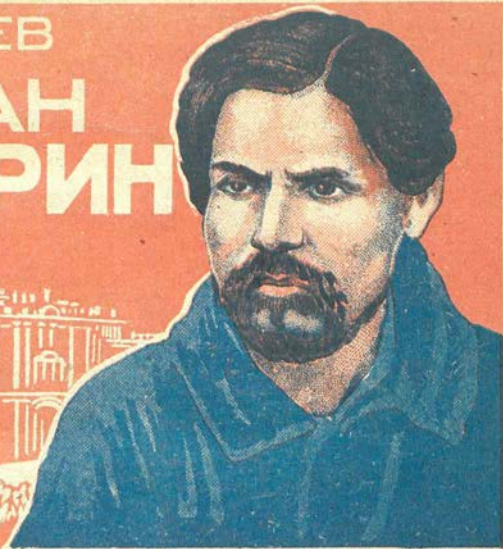

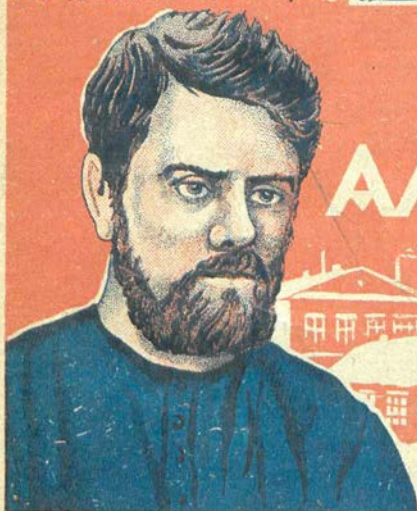
R $\frac{121}{1194}$ 11

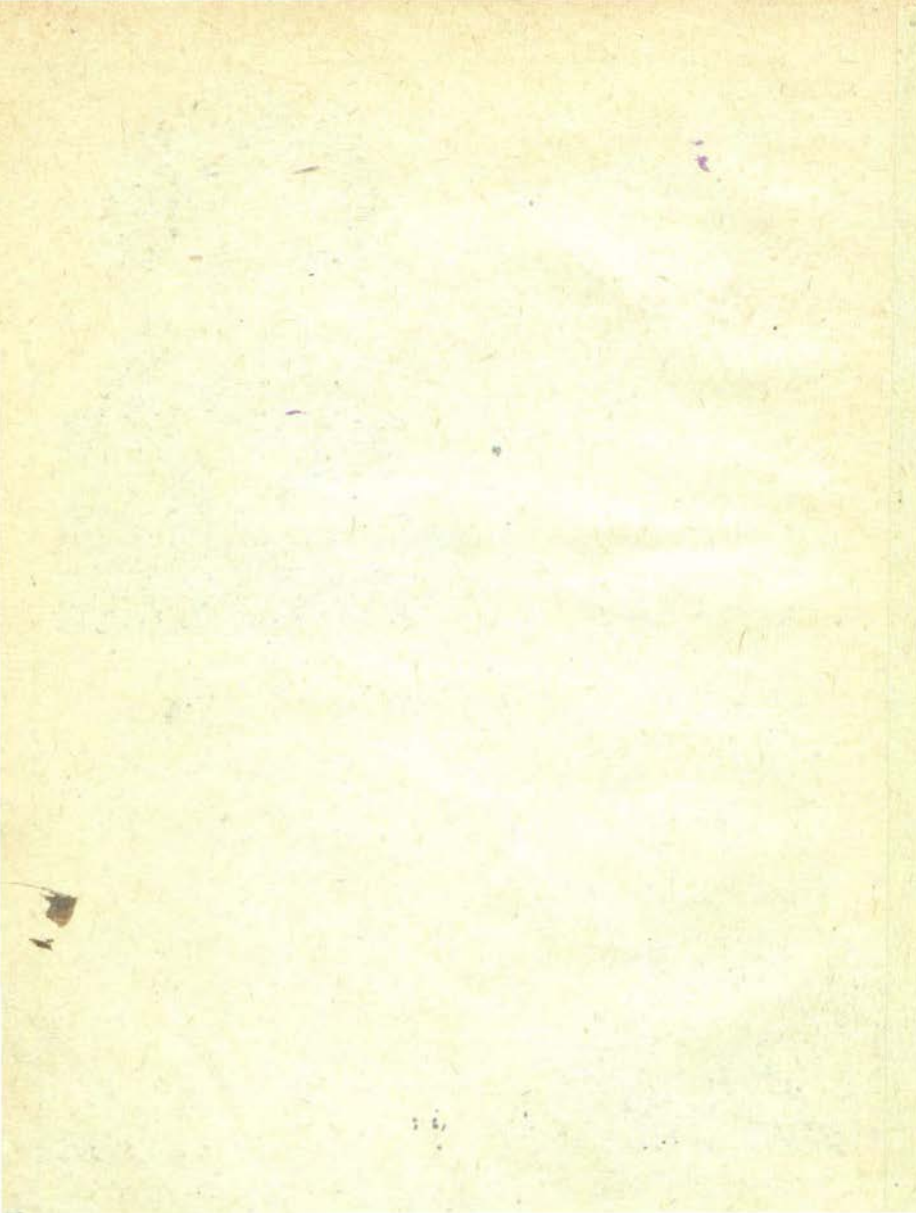
М. МИШЕВ
СТЕПАН
ХАЛТУРИН

И
ПЕТР
АЛЕКСЕЕВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В 171
1194

М. МИШЕВ

804-90
4194-0

СТЕПАН ХАЛТУРИН
И
ПЕТР АЛЕКСЕЕВ

1

88-1499

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Вступление	3
В кабале	4
В город на заработки	5
Степан Халтурин	9
Столица—впервые	—
На новом пути	13
Проба сил	16
К заветной мечте	21
Разгром	24
На царя	30
1 марта 1881 года	40
Выстрел в Одессе	43
Четырнадцать ступеней	45
Петр Алексеев	48
На фабрике	50
По пути революционера	51
За правдивое слово	55
Отрезанный от мира	58
Заключение	62

Главлит № А—991.

Гиз № 22340.

Тираж 15.000 экз.

Типографы

2007079046

Москва, Пименовская, 16.

ВСТУПЛЕНИЕ

„Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу.
Вы отдали все, что могли за него,
За жизнь его, честь и свободу...“

Рабочие и крестьяне нашей страны сами строят теперь новую жизнь. Нет больше царя, нет помещиков и фабрикантов, которые справляли похмелье на крови трудящихся.

Тяжелой борьбой завоевали себе свободу рабочие и крестьяне бывшей царской России.

Тысячи лучших рабоче-крестьянских сынов сложили головы в борьбе за угнетенных. Тысячи стойких революционеров кончили свою жизнь на виселице, на каторге и в ссылке. Они не дожили до торжества своего великого дела. Только память о них дошла до нас, но даже века не сотрут эту незабвенную память.

Каждый рабочий и крестьянин должен знать об их жизни и борьбе, должен хранить их имена в своем сердце.

В нашей книжке мы расскажем о двух револю-

ционеров, о рабочих вождях семидесятых годов, чьи имена—Петр Алексеев и Степан Халтурин.

Прежде чем рассказывать, как они жили и боролись, нужно объяснить что толкнуло их на эту борьбу.

Для этого мы и опишем сначала тогдашнее положение рабочих и крестьянства.

В КАБАЛЕ.

19 февраля 1861 года царь Александр Второй отменил крепостное право. Но решившись на это, он вовсе не хотел защищать интересы крестьянства. Здесь были другие причины.

Крепостной подневольный труд многих миллионов людей на земле и на фабриках был слишком непроизводителен. Он тормозил развитие промышленности в стране; он не давал двигаться вперед сельскому хозяйству. И все чаще и чаще раздавались жалобы самих помещиков на то, что крестьяне становятся им в тягость.

Прислушиваясь к этим жалобам, царское правительство не могло закрывать глаз и на другую сторону дела.

В разных местах уже появлялись грозные признаки недовольства: то здесь, то там вспыхивали крестьянские бунты, происходили волнения на некоторых фабриках и заводах.

Царское правительство начинало опасаться, что крепостное право будет разрушено снизу, самими

крестьянами. И оно предпочло другой исход: дать крестьянам видимость воли, одновременно сыграв на руку помещикам.

По указу царя, крестьянство получало волю без надела землей. За выкуп земли правительство назначило грабительскую цену.

Крестьяне ответили бунтами на такое «освобождение». До двух тысяч бунтов произошло за короткое время в разных концах России. Но правительство жестоко подавило эти неорганизованные волнения. Для крестьян наступили долгие годы беспросветного отчаяния и мрака.

В ГОРОД НА ЗАРАБОТКИ.

Нищета... Малоземелье... Непосильные налоги... Все это заставляло крестьян искать спасения на стороне. Многие из них бросали землю и уходили в город на заработки.

Там—фабрики и заводы, которым нужна рабочая сила. Там—новая кабала под властью фабриканта и заводчика.

Какое было положение рабочих в то время?

На многих фабриках рабочий день продолжался 16—18 часов. Были еще фабрики, где работа производилась круглые сутки. Там работали шестичасовыми сменами. Простоял шесть часов у станка,—имеешь шесть часов отдыха, а потом—опять на работу. Конечно, после одного года такого каторжного труда рабочий делался почти инвалидом.

А заработная плата? Мужчина получал в среднем 14 рублей в месяц, а женщина—10 рублей. Это—при своих харчах. Если же харчи были хозяйские, то мужчине платили в среднем 7 рублей, а женщине—около 5 рублей. И с каждого рабочего хозяин наживал на харчах по 2 рубля в месяц. Это было то же самое крепостное право. Протестовать рабочий не мог, потому что всякий протест правительство считало бунтом и круто расправлялось с непокорными. Вот, к примеру, забастовка на Невской бумагопрядильной фабрике в Петербурге в 1870 году.

Рабочие бумагопрядильни голодали. Вычетов из жалованья было много, после месячной полочки денег нехватало даже на харчи. И 22 мая шестьдесят два прядильщика бросили работу и пошли к хозяину просить прибавки. Хозяин выгнал их.

Тогда на следующий день забастовало двести сорок человек. Фабрика остановилась.

«Мы не бунтуем,—написали рабочие в своем заявлении к генералу Трепову.—Мы только хотим, чтобы хозяин справедливо платил нам за наш тяжелый труд».

Но царское правительство иначе смотрело: 62 прядильщика были отданы под суд. Пятеро из них, по приказу царя, были высланы из Петербурга. И вслед за этим Александр Второй подписал тайное распоряжение всем губернаторам:

— «Строжайше наблюдать за фабричными и заводскими рабочими. Вредных людей, зачинщиков,

высылать безо всякого суда в одну из семи губерний: Архангельскую, Вологодскую, Олонецкую, Симбирскую, Астраханскую, Новгородскую или Костромскую».

Вот какое это было время. Время произвола и бесправия. Время жесточайшей кабалы для трудящегося человека. В то время жили Степан Халтурин и Петр Алексеев—первые рабочие вожди.

Степан Халтурин.

СТОЛИЦА — ВПЕРВЫЕ.

Тихий теплый вечер стоял над Петербургом. Прямой, как стрела, открывался впереди Невский проспект ¹.

Нарядная, праздная толпа сновала по Невскому: расфуфыренные барыни; офицеры в блестящих мундирах; одетые с иголки штатские... Много было здесь бездельников, которым не приходилось думать о куске хлеба на завтрашний день.

А по середине улицы тянулись великолепные кареты: это петербургские богачи и дворцовые чиновники совершали прогулку.

— Здорово живут! — угрюмо сказал про себя высокий, бедно одетый человек.

Он перешел на другую сторону улицы, оглянулся и повторил еще раз:

— Здорово живут! Видать, только птичьего молока им нехватает!

¹ Главная улица в Петербурге.

Высокий незнакомец присматривался ко всему, как человек, впервые попавший в большой город. Так он прошел Невский проспект и повернул к реке.

В синей дымке утонул город. Могучая Нева плескалась о гранит. Мир и тишина...

Но направо, на другом берегу,—мрачная стена, серый камень,—длинный острый шпиль уперся в небеса. Это—Петропавловская крепость. Каменная могила, где цари заживо хоронили лучших, честнейших людей...

— Помоги, братец, ради Христа!

Незнакомец вздрогнул и оглянулся. К нему протягивал руку старый человек—худой, оборванный, изможденный.

— Хоть копеечку, трое суток не евши... Без работы остался я...

— Как случилось-то?

— Да как всегда... На фабрике десять лет работал... Все силы на нее положил... А недавно вызвал меня хозяин: «Уработался, говорит, старик, теперь от тебя, как от козла,—ни шерсти ни молока».

Высокий незнакомец нащупал в кармане последний двугривенный и протянул, отвернувшись, чтобы скрыть набежавшие слезы.

Темно. Пусто. Никого нет на набережной. Незнакомец сел на гранитные ступеньки и подпер руками голову.

— Да, вот ты и в Питере, Степан Халтурин!—сказал он себе.—Вот он Питер! Золото, роскошь,

и рядом—лютая нужда. И вся Россия, как Питер. Опутала ее по рукам и ногам «хитрая механика»...

Задумался Степан. Вспомнил недавние годы, и встала перед ним его родная деревня Халевники в далекой Вятской губернии.

Зимний день над деревней. Степан возится с ребятами на улице.

— Милые, родненькие, пожалейте!—звенит где-то надрывный бабий крик.

Ребята бросаются на крик и видят: толстомордый урядник с понатыми тащит по улице крестьянское барахло.

— Милые, пожалейте!—умоляет женщина, хватаясь за вещи.—По-миру пускаете... Мужики, помогите! Что же это? Последнюю одежонку забирают!

— Молчи, падаль!—замахивается кулаком урядник.—Нет вам пощады, семь шкур за подати спущу!

И вспоминает дальше Степан. Хитро поблескивая глазами, смотрит на него отец, крестьянин.

— Объясни же мне!—говорит Степан.—Почему это на свете так: одни ничего не делают, и всего у них вволю, а другие надрываются весь век, а жрать нечего?

— Не нашего ума дело,—отвечает отец.—Иди-ка лучше за книжку возьмись, уроки учи для школы.

«Не нашего ума дело». Нет, не таковский Степан! Уж если ему что-нибудь запало в душу,—не отступится, доведет до конца. И вот, он ищет

книжку. Не школьную, нет! Такую книжку, которая объяснила бы ему всю жизнь, глаза бы открыла.

Нашел-таки, раздобыл...

«Хитрая механика»—называется эта книжка. Запрещенная, тайком ее надо читать. И если найдет у кого полиция такую книжку,—в тюрьме сгноят, или угонят, куда Макара телят не гонял... Прочел Степан эту «Хитрую механику». И узнал он всю правду, что богатые от бедных скрывают:

— Царь и помещики живут за счет трудящихся. Они разоряют крестьян налогами, чтобы еще крепче набить свой толстый карман. Они выжимают из мужика последнюю копейку,—выкуп за негодный кусок земли. А рабочий и крестьянин надрываются за тяжким трудом, чтобы их кровопийцы могли справлять пиры и развратничать.

Да, вот она—хитрая механика, которой держалась вся царская Россия!

И еще кое-что прочел Степан в этой книжке: прочел, что народ волнуется и негодует на царский обман; прочел и про расправы лютые над беззащитными рабочими и крестьянами, и про революционеров, которые идут против царя и хотят смести порядки царские.

Подростком был тогда еще Степан. Но на всю жизнь врезалась ему в душу эта правда...

А что было после тех лет, прожитых в деревне?

Вятка. Столярная мастерская. Кружки молодежи, где читали книжки и думали о новой жизни—светлой и справедливой...

И наконец—Петербург. Степан—в огромном чужом городе, один, без гроша в кармане.

НА НОВОМ ПУТИ.

— К нам, ребята, новый столяр пришел!

— Кто такой? Откуда?

— Не знаю, у хозяина сейчас нанимается. Кажется, ничего парень...

Визжат рубанки в мастерской. Ползет из-под них душистая стружка, кругом—крепкий дух свежего дерева.

Работает столярная братия, над верстаками согнулись, а сами нет-нет на дверь поглядывают: любопытно, какой-то новый столяр...

Заработались, забылись словно, а как подняли глаза,—он уж на пороге стоит. Высокий, в стареньком пальто с оборванными пуговицами, шапка неуклюжая, и ярко блестят на худом лице ясные, правдивые глаза.

Улыбнулся всем, как родной, как старый знакомый. Будто вчера только виделись, будто вчера только расстались...

Так и занял свое место за верстаком Степан Халтурин.

Так и занял свое место в сердцах рабочих Степан, с этой ясной улыбкой—впервые виденный и уже свой, близкий...

Стал работать в мастерской Степан, и крепко полюбили его рабочие за прямоту, за сердечность.

Вскоре Степан сделался для них не только другом, но учителем, советчиком во всех заботах и невзгодах.

Всем, что знал, делился с товарищами Степан. Рассказал им про «Хитрую механику», открыл глаза на многое, чего до сих пор не понимали. Упорно, настойчиво пробуждал в них волю к борьбе против хозяев и царских порядков.

А в свободное время заводил новые знакомства — с заводскими рабочими и с кружками революционеров.

Был в то время в Петербурге кружок чайковцев¹. Лучшая революционная молодежь того времени состояла в этом кружке: Софья Перовская, Желябов, Кропоткин, Аксельрод и другие революционеры.

Начали они с малого: закупали книги, как дозволенные, так и запрещенные, распространяли их среди студентов.

А потом шире развернули свое дело. Сдружились чайковцы с рабочими, стали с ними заниматься. Кто посерей, того сперва читать учили. Среди грамотных серьезные беседы, революционную пропаганду вели.

Много рабочих агитаторов вышло из кружка чайковцев. И большую пользу принес этот кружок Степану, получил в нем Степан знания нужные, крепкий революционный закал.

¹ Назван так по имени основателя Н. В. Чайковского.

Но 1874 год был последним для чайковцев. Пронохало царское правительство про работу кружка, засадило в тюрьму главарей (только несколько человек успело бежать за границу).

— Кончено!—ликует царь.—С корнем вырвали «смуту»!

Прогадал царь. Не ослабела революционная пропаганда.

К весне 1874 года революционеры-интеллигенты широко развернули свою работу. Началось массовое хождение в народ.

Одни из революционеров пошли для работы на фабрики и заводы. Другие принялись изучать разные ремесла, стали приучать себя к тяжелому труду. Через короткое время они двинулись в деревни,— в качестве пильщиков, сельских батраков, мастеров, разносчиков. Вели революционную работу среди крестьян.

Революционер-пропагандист ходил из одной деревни в другую, будил среди крестьян недовольство существующими порядками. С этого обычно и начинался разговор. А потом пропагандист переходил к вопросу о засильи помещиков, о притеснениях со стороны чиновников и купцов. Если беседа шла удачно, он переходил к оценке самого правительства, доказывал крестьянам, что царь—главный пособник всех угнетателей.

Чего же добивались эти революционеры—народники, как их называли?

Они хотели произвести революцию путем восстания крестьян.

Но к осени 1874 года царское правительство нанесло жестокий удар народникам. Больше тысячи человек было их арестовано по всей России. Суду было предано сто девяносто три, но еще до суда царское правительство гноило их в тюрьме по три-четыре года. Около семидесяти человек умерли в заключении или сошли с ума.

А когда состоялся суд, большинство народников было сослано на каторгу на разные сроки: на десять, девять, пять лет.

ПРОБА СИЛ.

Шел своей дорогой Степан. Все больше и больше росла молва о нем среди питерских рабочих. Одним словом умел он вдохнуть бодрость в товарища. Одним присутствием своим умел будить волю к борьбе, волю к победе. И не было даже среди предателей ни одного, который осмелился бы выдать полиции Степана. Других выдавали, Халтурина—никогда: знали, что за это пощады от рабочих не будет.

Наступила осень 1876 года. Повстречался как-то Степан с одним знакомым революционером, заговорил тот о партии, что недавно организовалась у них.

— Ну, теперь дело пойдет! Партия «Земля и Воля» возьмется за работу!

Нахмурился Степан.

— Смотрите, товарищи! Не сорвитесь опять на деревне. Лучше бы главную работу на фабриках повести. Рабочих скорее организовать можно.

Поспорили, разошлись. Уходя уже, товарищ сказал Степану:

— Вот, демонстрацию скоро устроим вместе с рабочими. Здесь ты с нами, конечно?

— С вами, с вами!—улыбнулся Степан.—Давайте демонстрацию!

Демонстрацию назначили на Николин день, 6 декабря. С нетерпением ждал Степан этого дня.

Покажем царю-батюшке свою силу! Струхнет, небось, как рабочие на улицу выйдут!

6-го, рано утром, на условленное место побежал—к Казанскому собору. Плохо собирались рабочие. Подходили по-два по-три, только с одного завода сразу пришла вся мастерская—сорок-пятьдесят человек.

Вот кончилась обедня в соборе, вышел церковный староста, и с удивлением посмотрел на собравшихся.

— Что вам угодно, господа?

— Желаем отслужить панихиду!—брякнули из толпы, чтобы выиграть время.

— Нельзя сегодня служить панихиду,—царский день.

Тогда один из революционеров заказал молебен для отвода глаз. А тем временем рабочие все подходили, скоро уже набралось человек двести пятьдесят. И вот развернулось над толпой красное

знамя, полилась первая революционная речь. Земледелец Плеханов говорил...

Вдруг налетевшие полицейские стали протискиваться через толпу, чтобы схватить Плеханова. Но не тут-то было! Сомкнулись рабочие, оттеснили полицейских.

— Осади назад, крапивное семя!

Кончилась речь. Толпа всколыхнулась.

— Ура! Да здравствует революция!

Заполоскал по ветру красный флаг, пошли рабочие к Невскому. И вдруг... крик в задних рядах:

— Ребята, наших берут!

Оглянулись. Действительно, городовые и дворники напирают сзади, хватают отстающих.

— Крой их, ребята, сволочей!

Рванулись вперед, смяли полицейских. Те бросились наутек в боковую улицу.

Ох, не надо бы их преследовать! Держаться бы всем вместе!

Но часть рабочих кинулась за городовыми, сплоченная толпа расстроилась. На этом-то и сыграли полицейские. Подошло к ним подкрепление, и они стали теснить рабочих. Завязалась жестокая драка. Здорово все-таки намяли бока полиции. Но кое-кто из демонстрантов угодил в ланы городовых. Избили, потащили в участок, а потом—суд, расправа: одних отправили на каторгу, других—на поселение в Сибирь.

Степан ускользнул. И опять пошли серые завод-

ские будни. Столярничает Степан, а в свободные часы—все с рабочими. Раздувает искру борьбы и к победе зовет.

— Теперь легче станет!—говорили рабочие.—Узнает царь, что у Казанского собора случилось, отпустит малость вожжи, велит, чтобы не давили так рабочий народ.

Невесело улыбнулся Степан.

— Легче станет? Как бы не так! Дурни, неужели вы думаете, что казанское дело нам свободу даст? Нет, шалишь,—революция так не делается! Для революции миллионы рабочих нужны. Организоваться надо!

Да, прав Степан. Не пришло еще время для революции. Не созрел еще рабочий класс, чтобы всем, сообща, ударить на угнетателей...

Но как же это трудно—терпеливо ждать, сохранять выдержку! Дышать нечем. Затянулась царская петля на шее рабочего... А тут—новое несчастье: На патронном заводе порох взорвался. Давно уже говорили рабочие своему начальству, что дело плохо поставлено, что надо обезопасить людей от неминуемого взрыва. Какое там! Начальство и ухом не вело.

И вот произошел взрыв, шестеро рабочих было убито, несколько ранено. Всколыхнулся завод. Не просто похороны,—похороны с демонстрацией решили устроить заводские. Отпечатали воззвания в тайной типографии «Земли и воли», разбросали эти

воззвания по городу. Вздуроражили они даже таких рабочих, которые раньше сторонились от политики.

Наступил день похорон. Замешался Степан в толпу, видит: кругом полиция. Только и выискивает повод, к чему бы придраться. Но придраться не к чему: тихо идет тысячная толпа рабочих. Выносят шесть гробов, обнажили головы провожающие... Двинулись...

На кладбище, когда заровняли могилы, поднял руку один рабочий.

— Товарищи! Нынче мы хороним шесть наших рабочих. Свое же начальство убило их. Товарищи...

Фррр!—залился полицейский свисток, и окологородный опустил руку на плечо говорившего.

— Вы арестованы.

И вдруг вскинулась тысячная толпа.

— Как! И здесь, на кладбище, не дают нам слово сказать проклятые? Бей!

— По морде толстозадых!

Струсил полиция. Храбрый окологородный пощады запросил.

— Эй, бросьте, не стоит руки об них марать!—крикнул Степан.—Ничего они не посмеют сделать.

Да, больше полицейские не осмелились мешать, и провожающие благополучно разошлись с кладбища.

Эта стычка сильно подняла дух рабочих.

И еще горячее принялся за дело Степан.

К ЗАВЕТНОЙ МЕЧТЕ.

Суeta на улицах. Ломятся магазины от сытых и богатых покупателей. Раскупают закуски всякие, вина дорогие,—сегодня старому 1877 году конец.

«Что-то принесет с собой новый год?»—думал Степан, возвращаясь в свою убогую комнатку.

Прилег на жесткую железную постель. Тихо кругом... И вот где-то далеко в доме часы начинают бить двенадцать.

Встал с постели Степан, подошел к окну, посмотрел в темноту ночную.

— С новым годом, товарищи! С новым годом, милые! Слышите ли вы меня из своих темниц? Слышите вы меня из застенков царских? Эх, потерпим, помучаемся еще, авось доживем и мы до светлых дней...

Нет, далеко еще свобода. Нет, не дожили они до лучших дней, не увидели своими глазами Октябрь великий...

Вот опять потянулись темные дни. Январь 1878 нового года. Только что закончился суд над революционерами-народниками, которых царское правительство четыре года гноило в тюрьме. Узнали в Петербурге о пытках и издевательствах, что царские палачи творили над узниками, узнали о судьбе приговоренных, которых ссылали на каторгу и на поселение.

И вот, как месть, как расплата за эти надругательства грянул выстрел 24 января. Девушка-рево-

люционерка Вера Засулич тяжело рангла одного из главных царских палачей—генерала Трепова.

Видел Степан, как вывели ее из генеральского дома, чтобы вести в тюрьму,—руки свои стиснул, ногти в ладони вогнал,—подмывало броситься вперед и отбить у городских смелую девушку... Нельзя! Ничем не поможешь, только сам даром пропадешь. А там на фабриках, рабочие ждут, зовет его работа революционная...

В эту пору Степан часто бывал и у революционеров-интеллигентов. Присматривался. Брал книжки для чтения. Слушал иногда, как интеллигенция ведет бесконечные разговоры о революции, и усмехался про себя.

В марте вспыхнула забастовка на Новой Бумагопрядильне.

Объединился Халтурин с землевольцами, вместе рабочих поддерживали, организовывали для них денежную помощь. Серый народ был на этой бумагопрядильне. Думали, что только хозяин их—кровопийца, а начальство—оно, мол, доброе. И ежели пожаловаться начальству на хозяина, то примет оно сторону рабочих, защитит их.

— Шуты вы гороховые!—кричал им Степан.—Да где у вас глаза! Разве не видите, что все начальство заодно с хозяевами?

— Не может этого быть,—уперлись прядильщики.—Вот мы сейчас к приставу пойдем, он рассудит, как и что.

Пошли. Пристав, разумеется, турнул их.

— Ну, пристав не помог, пойдем к самому наследнику.

Пошли к Аничкову дворцу, где жил наследник, передали прошение градоначальнику, который их встретил... Конечно, это хождение ни к чему не привело.

Но стали открываться глаза у рабочих, увидели они настоящую правду, о которой говорил им Степан:

— И полиция, и царь, и фабриканты — все одна свора. Бороться надо самим, рассчитывать надо только на свои силы.

Подтянулись рабочие, пополнился революционный кружок фабрики новыми людьми.

— Не сдадимся! — говорит Степан. — Доведем до конца забастовку!

Но царские холопы не дремали. Полиция врывается к рабочим на квартиры, силой тащит их к станкам. А кто упрямился — разговор короткий:

— В участок! Из участка — в пересыльную тюрьму.

И Степана искали. Пронюхали, что он — один из главных зачинщиков...

Ищи ветра в поле! Степан уже с фальшивым паспортом на другом заводе, — будоражит, бодрит, агитирует. С ним вместе — слесарь Виктор Обнорский: горячий, преданный борец, один из крупнейших революционеров. Теперь Степан и Виктор работают с твердым планом: на каждой фабрике, на каждом заводе создать рабочий революционный

кружок... А когда это будет сделано... Вон она впереди—мечта заветная! Слить все кружки воедино, сделать из них огромный, мощный рабочий союз. Двинулось дело. Все это—и забастовки и покушение на Трепова—взбодрило фабричный люд. Многие поняли, что искра есть, только раздуть ее надо в пожар неугасимый. И вот движется организация рабочих кружков на фабриках и заводах. В каждом кружке устроили кассу. Если какая-нибудь забастовка, увольнение, тут-то она и пригодится. Для связи между кружками комитет избрали. Близко стало уже соединение всех кружков в союз.

РАЗГРОМ.

Летом Степан уехал на Волгу. Завел связи с рабочими, начал и там вести революционную пропаганду. Хотел податься после на Урал, да питерские товарищи вызвали обратно. Необходимо было присутствие Степана. Вернулся. И только успел оглядеться,—грянуло неожиданное событие. 4 августа 1878 года, днем, убили начальника жандармов генерала Мезенцова. Революционер Кравчинский заколол царского палача кинжалом и благополучно скрылся.

— Эх,—покачивал головой Степан.—Одну сволочь убили, другая на его место сядет, еще хуже.

И точно. Вместо убитого Мезенцова назначили генерала Дрентельна. Начались обыски, аресты. На фабриках и заводах замелькали гнусные морды

шпионов. Нашупывают следы жандармы, добираются до главарей революционных; и вот разразилась беда. Открыли «Землю и волю». Бумаги нашли, адреса, добрались по ним до многих землевольцев. И снова—тюрьма, каторга и ссылка...

А тем временем, Степан и Обнорский твердой рукой проводили свое дело—объединяли кружки, вырабатывали программу союза....

И наконец в двадцатых числах декабря—собрание всех представителей от фабрично-заводских кружков.

— В Одессе организован «Южно-русский союз»,—сказал Степан.—А наш как будет называться?

— «Северный союз русских рабочих!»—ответили дружные голоса.

Принято. Утвердили программу союза. Отпечатали ее в тайной типографии, листки разослали по фабрикам и заводам.

Против царского правительства в лице союза выступила новая сила. Это была (хотя еще в зародыше) рабочая партия, которая в основу своей программы ставила политическую борьбу.

Вот чего требовала эта партия: 1) свободы слова и печати, права собраний и сходов; 2) уничтожения сыскной полиции и дел по политическим преступлениям; 3) уничтожения сословных прав и преимуществ; 4) обязательного и бесплатного обучения; 5) уменьшения количества постоянных войск и полной замены их народным вооружением; 6) права

сельской общине на решение дел, касающихся ее, и так далее.

Таким образом Халтурин и другие организаторы Союза впервые поставили вопрос о том, что всякая классовая борьба есть борьба политическая.

Народники выступили с возражениями против этой программы.

«Слишком много разговоров о политической свободе,—писали они в своей газете «Земля и воля»,— а насчет пропаганды и открытой борьбы—ни слова».

Но Степан с товарищами знали свою правоту и не смутились от этих упреков. В той же «Земле и воле» они дали спорщикам свой веский ответ:

«Нам нечего есть и негде жить. Нас ничему не учат, кроме ругательств и подневольного подчинения. Но мы знаем, что наши требования так и останутся требованиями, если мы будем спокойно смотреть, как наши хозяева распоряжаются нами и нашими деревенскими братьями... Мы сплываемся, организуемся, берем близкое нашему сердцу знамя социального переворота и вступаем на путь борьбы. Но мы знаем также, что политическая свобода может гарантировать нас от произвола властей. И вот мы, ради сбережения сил и скорейшего успеха, требуем для себя политической свободы, отмены разных утеснений».

Это был крупный шаг вперед. Он показал, что рабочее движение на целую голову уже опередило движение народническое. Это был—впервые прозвучавший—голос самого пролетариата.

15 января 1879 года забастовала во второй раз Новая Бумагопрядильня. Вскоре забастовка перекинулась на другие фабрики: Шау, Мальцева, Максвеля. Работал Союз, руководил стачкой, другие фабрики призывал присоединиться к забастовщикам. Но и полиция не спала. Начались избиения, надругательства над рабочими. Арестовывали даже стариков, женщин и детей. И до самого Союза полиция добралась. Схватила Обнорского и еще около пятидесяти человек. Рабочие стали тревожиться за Степана.

— Спрячься, — упрасивали они. — Ведь ищут тебя, а ежели и тебя захватят, весь Союз прахом пойдет!

Степан только отмахивался.

— Не время теперь в прятки играть! Работать надо, организовывать, всеобщую стачку будем устраивать, товарищи!

Нет, не выполнить задуманного. Все сильнее и сильнее наваливалась страшная, жестокая сила. Расправлялась полиция с рабочими, душила забастовку железной кровавой рукой. До того дошло, что даже заставили лавочников не продавать продуктов забастовщикам.

Не выдержать... Кончилась на фабриках стачка.

— Ничего! — говорит Степан. — Сорвалось один раз, еще пять, десять раз сорвется, а на одиннадцатый наша возьмет. Знаете теперь, товарищи, в чем ваша сила?

— Знаем,—отвечают рабочие фабрик и заводов.—Не повернем назад, не сдадимся.

И еще теснее сомкнулись рабочие ряды, еще ближе стали к Союзу. Полным ходом идет подготовка к новой стачке...

И вдруг пришло неожиданное и негаданное осложнение. Революционеры-интеллигенты убедились, что крестьянство не подыметь, что впустую вся их работа по деревням. Решили разрушать царские порядки не снизу, а сверху. Сеять смерть во вражьих рядах. И они вступили на новый путь,—путь устранения или террора.

9 февраля выстрелом в окно кареты был убит харьковский губернатор Крапоткин. 26 февраля в Москве прикончили шпиона Рейнштейна,—того, который выдал Обнорского и многих других. А 13 марта—новый выстрел,—в начальника жандармов Дрен-тельна.

Конечно, царское правительство в долгу не оставалось. Начались беспощадные аресты, полиция стала хватать правых и виноватых.

— Чистая беда!—говорил Степан.—Только наладится у нас дело—хлоп!—шарахнули кого-нибудь и опять страдает наше дело. Хоть немного дали бы вы нам укрепиться, повременили бы с вашей пальбой!

Но радостно встречали рабочие весть о каждом выступлении террористов. Невольно заражался этой радостью и сам Степан.

Только отчего же не становится легче дышать?

Отчего после убийства одного царского палача появляется другой, худший?

«Царь всему виной!—думали революционеры.— Убрать царя, тогда все переменится».

И вот, 2 апреля 1879 года, когда Александр Второй вышел на прогулку, к нему направился неизвестный человек в форменной фуражке. Руки его были глубоко засунуты в карманы пальто. Человек подошел быстро, и прежде чем кто-нибудь успел его схватить... Блеск револьвера... Выстрел... К стрелявшему кинулся жандарм... Второй, третий выстрел! Все мимо! Жандарм ударил неизвестного саблей, тот успел выстрелить еще раз. И—опять промах! Стрелявшего схватили. Это был революционер Соловьев.

— Ну, теперь заварится каша,—сказал Степан, когда узнал о покушении на царя.

Он не ошибся. Царские опричники словно с цепи сорвались. Началась безудержная кровавая расправа.

Эх, рабочий Союз, детище Степаново! Налетела и на него полиция, разгромила. Все прахом пошло... Еле спасся сам Степан. По горячим следам преследовали его шпики и жандармы, изворачивался Степан, как волк затравленный.

Так прошло несколько месяцев. Понемногу стал утихать разгул царской мести. Поднял голову Степан, попытался снова приняться за дело, чтобы восстановить разгромленный Союз. Какое там! Самые надежные ребята за решеткой сидят. На фаб-

риках и заводах проходу нет от шпионов. Хотя сызнава начинать всю работу... И решил Степан, что только один выход остался: убить царя. После этого все, мол, изменится, легче дышать станет, легче будет возродить рабочий Союз.

Но одному ничего не сделать, помощь организации нужна... Только теперь старой «Земли и воли» нет, раскололась она на две партии: «Черный передел» и «Народная воля». «Народная воля» — партия террористов. К ней-то и примкнул Степан для выполнения своего замысла.

НА ЦАРЯ.

Стук в дверь... Тише!

В задней комнате мгновенно стихли разговоры. Все настороже. Каждый крепче сжимает рукой оружие.

Что же, пожалуйста, господа полицейские! Комитет «Народной воли» готов, — жизнь за жизнь, выстрел за выстрел!

Еще стук... Нет, это свой, стучат поособому... Скрипнула дверь. Вошедший остановился на пороге.

— Халтурин! — удивленно воскликнул один из народовольцев. — Каким вас ветром занесло?

— Сквозным ветром! — горько усмехнулся Степан. — С моего пути сдуло, на ваш поставило, теперь нам, видно, вместе идти.

Сел Степан, обвел всех твердым взглядом.

— Предложение такое, товарищи. Во дворец сейчас нужен хороший столяр. Я туда поступлю, поработаю, огляжусь немного, а потом...

Тихо стало в комнате. Хоть и не договорил Степан,—всем ясно, о чем речь идет.

— Ну, что же?

Решено. Обсудили все подробности, придумали план: взорвать Зимний дворец динамитом, чтобы царь погиб под развалинами. Связь с «Народной волей» Степану держать через Квятковского.

— Ну, до свиданья, товарищи!

— До свиданья, Халтурин! Завтра справим для вас фальшивый паспорт.

Через несколько дней Степан явился во дворец. Прошел в подвальное помещение, где жили дворцовые столяры.

— Столяры тута живут?

Фыркнул старший.

— Тута, тута! Ты, деревня, говорить бы прежде научился! Ну, чего глаза вылунил?

А Степан действительно стоит, как блаженный. Простачком прикинулся. Глазами моргает. Прямо со смеху покатываются столяры.

— Паспорт давай!

Полез Степан за пазуху, достал паспорт.

— Баташковым звать?

— Ба... Баташковым, так точно...

Да, нет больше Степана Халтурина. Вместо него—Баташков Степан, крестьянин, серячок деревенский.

Решил старший испытать Степана в работе.

— А ну-ка, справь вот этот столик, да отполируй заново!

2 — Это мы можем,—осклабился Степан.—Мы, ваше благородие, так полируем—посадишь блоху на лак, прыгнуть не сумеет. Посклизнется блоха. Вот лопнуть и помереть, ваше благородие!

— Хвастай, хвастай! — мотнул головой старший.—Посмотрим ужо!

Отделал Степан столик всем на удивленье. Увидели, что мастер он искусный, перевели работать наверх, в царские комнаты.

✓ Царь в Крыму был. Мог Степан свободно ходить по комнатам, мог высмотреть все, что нужно. Да еще помогал ему... жандарм, который жил внизу, вместе со столярами. Правилось жандарму пускать пыль в глаза необразованной деревенщине. Все выложил—и когда царь встает, и как день проводит, и в какое время обедает... Степан все запоминал, а для виду удивление разыгрывал. Но понастоящему он удивлялся в глубине души только на порядки дворцовые.

Безалаберные были эти порядки: лакеи приводили почевать к себе знакомых. Те являлись через черный ход и уходили, когда им вздумается. Воровали все, кому только не лень. Правда, дворцовые лакеи получали всего 15 рублей в месяц!

✓ Через несколько дней Степан первый раз вышел из дворца и отправился к Квятковскому. Показал

ему на плане, где находятся столяры, где комнаты царя, отметил крестиком столовую...

— Так,—говорил Квятковский.—Столовая как раз над подвалом, через этаж. Значит, надо устроить взрыв в вашем помещении. Но как вы пронесете во дворец динамит? Ведь надо несколько пудов...

— Придется понемногу носить... Буду прятать в сундуке под кроватью!

Трудные дни пошли. Целый день работал во дворце Степан, а сам все фальшивил, дурачком прикидывался. Вечером с Квятковским встречался, носил во дворец свертки с динамитом. Хорошо еще, что подружился со всеми Степан, никто на него подозрения не имел. А жандарм—тот даже заигрывал. Дочка у жандарма на выданьи, показался ему Степан подходящей парой.

Промелькнула неделя, другая... Прибавляется динамиту в степановом сундуке, готовится возмездие для царя-кровопийцы... Но, может быть, и не понадобится динамит. Далеко, на юге, стерегут проезд царя народовольцы. «Народная воля» узнала, что царь поедет из Крыма в Петербург через Одессу. И вот народоволец Фроленко устроился железнодорожным сторожем около Одессы. Под насыпь вырыли подкоп, решили взорвать царский поезд... Но пришло неожиданное известие: царь не поедет через Одессу, вернется другим путем, через Александровск. В Александровск помчался народоволец Желябов. Там, на месте, под видом купца Черемисова, он купил участок земли около железной дороги.

Закипела работа. Вскоре на четвертой версте от Александровска под рельсы была заложена мина.

— Царь проедет 18 ноября,—сказали товарищи Желябову.

Наступил этот день. Стиснув зубы, ждали Желябов и товарищи, когда покажется паровоз. Вот тихо начинают подрагивать рельсы... Поезд идет! Ближе... Ближе... Надвигается огромный паровоз,—с шумом и ревом глотает версты...

— Жарь!—крикнули Желябову товарищи.

Желябов сближает электрические провода от мины... Сейчас грянет взрыв... Но что это? Что это? Только злобное пыхтение машины сотрясает воздух... Только мерный клекот колес... Миг—и поезд пронесся мимо целый и невредимый. В заложенной мине что-то испортилось... Неудача!

Все дальше уходит царский поезд, но еще одна опасность сторожит его: на третьей версте от Москвы, по Курской железной дороге, заложена еще одна мина... И 19 ноября грянул взрыв. Рвануло поезд, багажный вагон перевернулся вверх колесами, восемь вагонов сошли с рельс. Опять неудача! Это был поезд с царской свитой, а сам царь проехал раньше.

Вернулся Александр в Зимний дворец, в Питер.

— Теперь, Степан, на вас вся надежда!—сказал Квятковский.—Действуйте!

Это было последнее свидание. На другой день Квятковского арестовали, нашли при нем план

дворца, где Степан крестиком отметил столовую. Узнал Степан обо всем, нахмурился.

— Ну, теперь начнется! Весь Питер вверх дном перевернут...

Ночь. Тихо в подвале у дворцовых столяров. Только что уснул Степан, измученный тревогой. И вдруг...

Громкие голоса... Бряцание сабель и шпор за дверью... Столяры повскакали со своих коск.

«Кончено!»—подумал Степан.

Лютая горечь наполнила ему сердце. Вихрем пронесли в голове мысли безрадостные.

— «Задаром погибну... Никакой помощи не окажу... И пойдет все попрежнему—будет жив царь, будут все так же измываться над рабочим людом...»

Ввалились в дверь жандармы и дворцовые охранники.

— Обыскать!—гаркнул толстый жандармский полковник.

Полезли с обыском. Обшарили койки столяров. Очередь за халтуринской... И здесь, перед лицом смерти неминуемой, овладел собою Степан, опять деревенского простачка стал разыгрывать.

Обыскали его койку, под подушку залезли.

— А это что у тебя?—спросил жандарм и ткнул пальцем в сундучок с динамитом.

— Бельишко старое, ваше благородие... Тряпье разное...

Копнул жандарм первый слой тряпок... Второй ряд поднял... Еще одно движение, и—конец. Видит Степан, что в углу сундучка белеет уже кусок бумаги: один из пакетов с динамитом... Ну...

— Грязь какую развел, деревенщина!—скосоротился жандарм.—Словно у старьевщика в торбе!—И задвинул ящик с динамитом обратно под постель.

— Чегой-то они искали?—сказал с глупым видом Степан, когда дверь закрылась за жандармами.—Нешто покража какая во дворце?

— Покража! Покража!—передразнил старший.—Тут, брат, не покража, тут дело почище будет. Покушение на государя, вот что!

Столяры, разинув рот, уставились на говорившего.

— Социалиста поймали!—продолжал тот.—У социалиста—план, а на плане крестик стоит. Аккурат над столовой государя. Понял, дубина стоеросовая?

До утра шли разговоры в помещении столяров.

— Эх,—сказал один из них.—Посмотреть бы, что это за социалисты такие. Хоть бы на улице как-нибудь встретить!

— А как вы его узнаете?—спросил Степан.—Ведь у него на лбу не написано.

— Деревенщина ты! Как же не узнать социалиста? Его моментально признаешь. У него вид особый, отчаянный. Идет—так сторонись, того и гляди ножом пырнет.

Улыбался про себя Степан. Думал:

«Ах вы, дурни, дурни! Напели вам в уши царские холопы всякой чепухи, а вы верите».

И такая взяла Степана тоска по своим товарищам из рабочего союза! Повидать бы тех, кто от тюрьмы спасся... Поделиться бы надеждами и сомнениями... Нельзя! Надо беречься Степану. Надо вести к концу задуманное дело...

Наступила середина января 1880 года. Степан держал связь с Желябовым, который заменил арестованного Квятковского.

— Ну, что же?—сказал как-то Желябов.—Торопиться надо, кончать надо скорей.

— Надо!—глухо прошептал Степан и закашлялся. Поднес платок ко рту, заагнали на платке темные пятна крови.

— Степан! Что же это ты?

Махнул рукой. «Э, время ли теперь о своих болезнях разговаривать!» Взял пакет с динамитом, стиснул руку Желябову, ушел. Крепился Степан. Всю силу собрал, чтобы до конца додержаться. Подорвали его здоровье последние недели этой невыносимой жизни во дворце. Каждую минуту следить за собой и притворяться... Каждую минуту рисковать жизнью, ждать, что вот-вот узнают, откроют... Во дворце изо дня в день производили внезапные обыски у прислуги.

Так подошло 5 февраля. В верхних комнатах дворца суетились лакеи, накрывали на стол для парадного обеда. Драгоценная фарфоровая посуда...

Бутылки с дорогим вином... Хрусталь, серебро и золото...

Вот она—роскошь, политая кровью рабочих и крестьян! Вот оно—богатство неслыханное, что нажито на горе и страданиях трудящихся!

Придет еще время. Восстанет народ, свергнет своих угнетателей с царем во главе, отнимет у них свое достояние. Но далеко еще это время. А сегодня... Сегодня во дворце ждут царского гостя—принца Гессенского...

— Как только начнется обед!—думает Степан.—Рассчитаю по времени и... Только бы не помешал никто!»

Вечер... Ушли столяры из подвала, Степан остался один. Наконеч-то! Вот он—сундучок с динамитом... К стене его! Теперь—запалить горючий шнур. Длиннен шнур,—пока он догорит, Степан успеет выйти наружу, на несколько десятков шагов отойдет от дворца. Чиркает спичка...

На набережной, недалеко от Зимнего дворца, стоял Желябов. Облокотился о перила, думал думу невеселую.

— Сколько жертв! Сколько крови, пролитой за свободу! А кругом то же самое: здесь—дворец, силющий огнями; на том берегу—Петропавловская крепость, мрачный каменный гроб.

Шаги по мостовой... Желябов вздрагивает и бросается навстречу идущему человеку.

— Степан! Ну, что, говори!

Глаза Степана сверкают стальным блеском. Рот сурово сжат...

— Готово.

И сейчас же за этим словом будто разверзлась земля. Страшный грохот прокатился над рекой, из подвальных окон дворца полыхнуло чудовищное пламя.

— Идем, Степан,—заторопил Желябов.—После все узнаем.

Кончено. Теперь уж не надо крепиться. Измученный, совсем больной, пришел Степан на тайную квартиру. Но он не забыл об опасности. Переступив порог, спросил:

— Есть тут у вас оружие? Я живым не дамся им в руки!

Успокоили. Квартира хорошо защищена, динамитные бомбы под рукой. Полчаса... Час... Стук в дверь. На пороге—один из товарищей.

— Ну, что?—крикнул Степан.—Убит он?!

— Жив, даже не ранен. Только из дворцовой стражи 10 убито и 33 ранено. Мало динамиту окзалось.

Как подкошенный, упал на кровать Степан, зарылся лицом в подушку. Значит, все напрасно? Все его мытарства, вся его работа, все волнения и риск? Значит, все это напрасно? И царь невредим, и царский порядок не поколеблен?

Не прогремел, однако, впустую взрыв в Зимнем дворце. Приободрились рабочие, увидели еще раз, что революционеры не дремлют.

— Вот это здорово!—заговорили по фабрикам и заводам.—Под самый зад царю мину заложили!

Теперь уж видно было, что дни Александра сочтены. Не сегодня, не завтра—все равно, рано или поздно царь будет уничтожен.

1 МАРТА 1881 года.

Степан скрывался в Москве. Томила его болезнь и бездействие. Осунулся, все чаще харкал кровью, и только в глубоко ввалившихся глазах горел неугасимый огонь. Надеялся еще Степан:

— Вот уберут царя... Расчистятся тучи грозовые. И примемся мы опять за наше дело, начнем организовывать рабочих, готовить победу...

Наступило 1 марта 1881 года. Выехал из дворца Александр, покатыл на смотр. Мчится карета, скачут сзади и с боков казаки... Сторонись!!

— Третьего дня Желябов арестован, ваше величество!—лебезит в карете царский прихвостень.—Один из важнейших преступников, ваше величество!

Злобно топорщатся бакенбарды царя.

— Выпытать у него все, любыми способами, всех разыскать!

— Выпытает, ваше величество. Будьте покойны, ваше величество...

— Всех на виселицу! Крамолу каленым железом выжгу.

Выжигай, выжигай, царь-палач! Пробил уж твой час.

Под руководством Софьи Перовской вышли на условленные места народовольцы Гриневицкий, Рысаков, Михайлов и Емельянов.

Кончил царь смотр. Завернул на обратном пути к великой княгине Екатерине Михайловне. Сладко попил и поел, и опять мчится карета, скачут за ней казаки. Миновали Инженерную улицу, вот и Екатерининский канал. Пусто. Всего несколько прохожих идет по набережной. И среди них—один, небольшого роста, с белым узелком в руках. Он смотрит через плечо назад. Ближе и ближе царская карета... И вдруг—взмах руки, в воздухе мелькнуло что-то белое, и тут же грянул ужасный взрыв. Это Рысаков бросил свою бомбу.

Удушливый дым рассеялся. Три человека из царской охраны лежали раненые на снегу. А царь?.. Невредимый, с лицом перекошенным от испуга и бешенства, он выходил из кареты.

— Где преступник?

Рысаков был тут же, недалеко, его уже схватили. Солдат Преображенского полка ударил его по лицу:

— Сволочь! Что ты сделал?

— После узнаете,—ответил Рысаков.—Вы еще темные люди.

Подошел царь. Ненавидящими глазами впился в Рысакова.

— Слава богу, я здоров и невредим.

Усмехнулся Рысаков:

— Еще слава ли богу...

В нескольких шагах, прислонившись к перилам канала, спокойно стоит человек. Это Гриневицкий. Он видит, как царь отвернулся от Рысакова, идет обратно к уцелевшей карете. Сейчас он пройдет мимо... И в воздухе прокатился гул нового взрыва. Смертельно раненый, падает сам Гриневицкий. Но он сделал свое дело, он отдал жизнь за жизнь: Александра Второго уже нет на престоле.

Узнал Степан о событии 1 марта. Огляделся... Где же свобода, которая должна была наступить после смерти царя? Еще тяжелее стало. Другой царь на престоле—Пугало, Александр Третий. Повешены Перовская, Желябов, Михайлов, Кибальчич и Рысаков. Стонет вся Россия от лютой расправы.

«Выходит, не в царе все дело?»—думает Степан.

Не в царе! Что царь? Только главный помещик он, только первый дворянин. А за ним стоит весь его класс,—класс угнетателей и кровопийц: тысячи дворян, помещиков и фабрикантов. Мало еще—уничтожить царя. Надо разгромить всю эту силу, которою он держится, надо одолеть всех врагов рабочего класса. Далеко еще победа. Годы пройдут, десятки лет пройдут... Еще реки рабочей и крестьянской крови прольются...

ВЫСТРЕЛ В ОДЕССЕ.

На юге свирепствовал царский прокурор Стрельников. Ловкий следователь, ненасытный палач, он опустошал ряды революционеров; тюрьмы ломались от арестованных.

— Не могу больше сидеть на месте, — сказал Степан уцелевшим членам «Народной воли». — Поеду в Одессу, товарищи, расправлюсь с негодяем.

И вот уносит Степана поезд на юг. Стучат колеса, мелькают поля и перелески. Вот и Одесса. Синее море, синее небо, легче дышит больная грудь Степана.

— Ну, как? — спрашивает Вера Фигнер. — Степан, ведь вы совсем больной, сумеете ли выдержать?

Грустно улыбнулся Степан.

— Ничего, сил хватит! Вы лучше скажите, — наладили слежку за Стрельниковым?

— Да, слежка налажена. Все, что надо, уже выяснили. Стрельников обедает в ресторане на бульваре. После обеда гуляет по бульвару. Правда, вокруг снуют шпики, охраняют его, но все-таки...

— Решено! — сказал Степан. — Там же, на бульваре!

В помощь Степану приехал товарищ, студент Желваков. Разработали план:

— На деньги, полученные от «Народной воли», купят пролетку с хорошей лошадыо. Степан, как более слабый, останется с пролеткой внизу, у лестницы, которая ведет к бульвару. После выстрела

Желваков сейчас же убежит вниз, чтобы на лошади спастись от погони.

Наступило 18 марта 1882 года. Медленно тянулся день, казалось, конца ему не будет. И вот—условленный час. Без четверти шесть вечера. Степан сидит на облучке пролетки, внизу, у лестницы. Блещет Степан, как полотно, украдкой прижимает ко рту платок, густо окрашенный кровью. А на бульваре... Вышел из ресторана палач Стрельников. Распаренный, потный,—наелся и напился до отказа. Прошелся по бульвару, оглядел масляными глазками гулявших женщин, сел на скамейку. И сразу, как по команде, две соседние скамейки заняли какие-то гнусные рожи: тайная охрана Стрельникова, шпики...

Напрасно! Из боковой дорожки быстрыми шагами вышел Желваков... Ближе... Еще ближе... Как молния блеснул револьвер, и—выстрел в упор, прямо в затылок царского холопа.

— Держи! Убил! Среди бела дня убили!!!

Желваков уже исчез. Он бежит изо всех сил по задней дорожке бульвара. Вот уже спуск... Но погоня мчится по пятам, и снизу, навстречу, тоже рвется оголтелая слепая толпа. Бухает револьвер Желвакова. Еще немного... Еще пятьдесят шагов, и—спасен...

— Держись!—кричит снизу Степан.

Бросился на выручку. Нет! Все пропало. Кругом уже увидели, что Степан—товарищ стрелявшему. Ринулись на него.

— Я социалист! Я за вас!—крикнул Степан.— Пропустите!

Но какой-то лавочник навалился на него.

— А! Попался, социалист! Знаем мы, как ты за нас!

— Конечно, не за таких мерзавцев, как ты,—прохрипел Степан.

Скрутили руки за спину... Бьют... Алая струйка крови бежит изо рта Степана. Поднимает он измученные глаза наверх... Там, на лестнице, тоже сгрудилась толпа. Слышна звериная ругань, слышно, как бьют кого-то.

Желвакова тоже схватили.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ СТУПЕНЕЙ.

«Боже мой, заснуть бы, на одну минуту заснуть!» Степан сидит на стуле между двумя жандармами. Измученный, больной, слабый... Ему хочется отдохнуть—пусть бы позволили задремать хоть так, сидя. Но жандармы зорко следят за своей жертвой. Как только они видят, что Степан вздремнул, они хватают его за плечи, трясут, дергают, мучат. Жандармы сменяются. Несколько суток длится эта ужасная пытка, придуманная царскими палачами. А в перерывах Степана волокут под руки на допрос.

— Фамилия!

— Степанов.

— Настоящую фамилию говори, мерзавец!

— Не скажу.

— Кто твои сообщники?

— Миллионы рабочих и крестьян, из которых вы сосете кровь, палачи.

— Молчать!!! Уведите его обратно в камеру.

И Желвакова так же мучают.

А тем временем, к царю летит телеграмма:

«Что прикажете сделать с преступниками?»

Ответ Александра Третьего:

«Повесить немедленно».

Наспех, для вида, собрался суд. Заранее все уже было известно. И вот прозвучали последние слова смертного приговора. Наступила для Степана последняя ночь. Заснул Степан. И видит он огромную залитую солнцем площадь. Красные знамена плещутся над толпой. Могучая песня гремит в воздухе, — песня, от которой захватывает сердце и слезы радости набегают на глаза. Революция! И видит Степан бескрайнюю Россию. Как черные вороны, разлетаются из своих гнезд помещики. Полыхают помещицьи усадьбы, переходит земля в руки мужика. Революция!

— Товарищи!—кричит Степан.—Милые! Ведь и моя здесь капля крови есть!

— Знаем, родной!—отвечают ему тысячи голосов.—Помним! Навеки помним вас, мученики за счастье трудящихся!

Грубый толчок... Открывает Степан глаза. Кругом тюремные стены. Стража кругом, и Желваков—посреди вооруженных.

— Уже? На казнь? Ну, что же... Я готов...

Всходило солнце над морем. Свежее, ясное утро вставало над землей. Мир... Тишина... Покой... Но впереди, на ласковой синеве небес,—жуткий призрак, черная безобразная виселица.

Желваков шел бодро, с высоко поднятой головой. Степана вели под руки. Надрывный кашель раздирал ему грудь, лицо осунулось от страданий и болезни. Последние шаги... Вот она—смерть глядится в глаза!

— Прощай, Коля!

— Прощай, Степан!

Поцеловались. Пожали руки друг другу. Первым взшел на помост Желваков.

— Четырнадцать ступеней!—воскликнул он.—О, как высоко!—Оттолкнул от себя палача, сам надел петлю на шею и сильным ударом ноги опрокинул табуретку, на которой стоял.

Степан! Степан!

Поволокли уже... Неловкий палач кое-как набросил петлю, потащил табуретку из-под ног... Натянулась веревка. Плохо затягивается петля, режет горло, льется кровь у Степана изо рта. И хочется ему пожаловаться, крикнуть: «Да не мучьте же меня, звери! Задушите скорей, убейте сразу меня!»

Долго мучился Степан. Даже полковник, который распоряжался казнью,—и тот не выдержал: отвернулся.

Конец... Все уже позади: славная жизнь и тяжелая смерть Степана.

Петр Алексеев.

Петр Алексеев родился в 1848 году в деревне Новинской Смоленской губернии. Горькое детство выпало на его долю. Лютая нужда кругом. Затерялась в полях нищая деревенька. Покошились избы, крытые соломой, палит солнце скудную смоленскую землю. Крестьянским потом густо полита земля в засушливое лето. Не разгибая спины работают новинские мужики, бьются как рыба об лед, отвоевывают свою черствую корку хлеба.

В полдень клубится пыль по дороге. Из пыли—черный господский шарабан, и еще издали, навстречу ему, слетают с голов замызганные мужичьи шапки.

Мужики провожают глазами господский шарабан, и сгибаются опять натруженные спины над скупой, скудной землей...

— Мамка, хлеба кусочек! Мамка!

— Горе ты мое, нету у меня ничего! Ни кусочка в доме!

— М-а-а-мк...

Бад! Бад! И Петруха турманом вылетает вон из избы.

— Повечеряем ужю!—несется ему вдогонку голос матери.—Не лезь раньше, а то еще колотушек надаю!

До вечера Петруха возится на деревенской улице, стянув до отказа голодное брюхо. А потом... Горячая водица с гнилой картошкой—вот и все. Ляжешь спать, а в животе словно колеса катаются. Пучит, а сытости ни на грош.

Не прокормить старику Алексееву семью. Нищета лютая, никакого просвета впереди. Как впрягся в лямку мужицкую, так и тащи всю жизнь, надрывайся из последних сил, пока не упадешь, как лошадь загнанная. Петруха—лишний рот в семье. А раз лишний,—значит, дело известное: еды мало, колотушек хоть отбавляй.

Так и прошло детство короткое, безрадостное, голодное детство, и—враз оборвала его жизнь. Миновало Петрухе 10 лет. В такие годы барские сынки еще за маменькину юбку держатся. От бабушек и нянюшек—ни на шаг. А Петруха...

— Собирай сына, баба,—сказал как-то с вечера отец.—Завтра в дорогу!

— Куда едем-то?—удивился Петруха.—Барин, что ли, посылает?

Отвел взгляд отец от пытливых глаз мальчика.

— В город, Петруха, едешь! Дядя Федор доведет. Там у него знакомый есть, определит тебя на

место,—хлеб, Петруха, станешь зарабатывать... Тако, брат...

Поползла слеза по морщинистой отцовской щеке. Махнул рукой, вышел...

Утром, чуть свет, все уже было готово. Положили Петрухе в мешок одежонку старую, хлеба немного,—из последней муки испекли.

— Прощай, сынишка, не поминай лихом!

Тронулась телега. Стоят у околицы петрухины старики, и оба одну и ту же думу думают:

«Вот она—жизнь темная, доля горькая. Зверь лесной—и тот детенышей своих до возраста лелеет. Птица слабая—и та своих птенцов из гнезда не выпустит, пока крылья не отрасли,—летать не научатся. Так неужто мы хуже тварей бессловесных? Неужто и такой малости нам не дано, чтобы детей своих прокормить, на ноги поставить? Вот сына, мальчонку-несмышленища, родные отец с матерью должны на все четыре стороны отпустить...»

Скрипит телега, уходит все дальше и дальше в зеленеющие поля. Смотри, Петруха, смотри, мальчик! В последний раз глядишь на знакомые места... Мачиха-жизнь впереди! Скрывается за косогором неласковая родная деревня.

НА ФАБРИКЕ.

Два года мыкался Петруха в городе. Голодал. А когда стукнуло двенадцать лет,—новая кабала связала по рукам и ногам. Поступил в Москве на

ткацкую фабрику. Восемнадцатичасовой рабочий день; жизнь впроголодь; жестокая расправа за малейшую провинность... И взрослым рабочим была неволею такая жизнь, а мальчику и подавно. Работать приходилось наравне со взрослыми, только благодарность за работу иная: жалованья вдвое меньше, и вдвое больше побоев и зуботычин. Так проходил день. Ломило усталостью слабые плечи, копилась обида и горечь в душе. А после работы...

Тесные рабочие казармы, где приходится ступать прямо через спящих людей. Затхлый тяжелый воздух, в глазах темнеет, кружится голова. Грязное тряпье, в котором кишат насекомые, служит постелью. Ложись! Отдыхай, если можешь. А на утро—снова фабрика, снова тяжкий, нечеловеческий труд.

Подрастает Петруха. Не сдает, держится—железным здоровьем наделила его природа. И с годами пробуждается в нем пылкий ум, тянется к знанию, как подсолнечник к солнцу.

ПО ПУТИ РЕВОЛЮЦИОНЕРА.

В семнадцать лет научился Петр грамоте. Самоучкой, без чужой помощи. Ночи просиживал над букварем, одолевал премудрость. Не любило фабричное начальство, когда рабочий с книжкой путался: нам, дескать, ученых не надо! чем рабочий темней, да несознательней, тем его лучше прижимать.

Прятал Петр букварь. А как научился грамоте,

стал книжки искать, все бы отдал за книжку! Но где ее возьмешь? На рабочие гроши не купишь. Попросить не у кого. Вот тебе и научился читать-писать. Что же это? Выходит, только разбедил жажду, а утолить ее нечем?

Вскоре покинул Петр Москву, перебрался в Петербург на фабрику Торнтонa. Всюду одна и та же кабала. Везде—бесправие, произвол, дышать нечем рабочему.

Идет время, бродят в голове Петра мысли: почему неравенство среди людей? Почему одни голодные, а другие от сытости пухнут? Тут еще стачка в 1870 году на Невской бумагопрядильне подогрела. Следит Петр за стачкой, чем-то все это кончится? И бодрость появилась. Надежда ли посветила? Новая ли жизнь блеснула вдалеке? Не знает Петр. Только рвется что-то из груди, а понять, назвать, что это такое—слов нет.

Через короткое время провалилась стачка. Стало царское правительство чинить суд и расправу над забастовщиками. Но не погасла искра в душе Петра, еще сильнее разгорелось в нем желание все узнать и понять, добраться до самой правды. Как-то увидел в руках товарища книжку. Так и вскинулся:

— Дай почитать!

— Тише ты, дурья голова! Запрещенная книжка...

Отгляделся, нет ли кого кругом, вытащил из-за пазухи.

— На, вот, почитай на досуге. А ежели, парень, подучиться хочешь...—оглянулся еще раз.—Есть

тут, в Питере, ребята хорошие, чайковцы называются. Вали прямо к ним, я тебе сейчас адресок скажу...

На другой же день Петр постучал в квартиру одного из чайковцев—Синегуба.

Поздоровались, сели, долгим взглядом оглянул Синегуб незнакомого гостя. Хорош парень! Ростом невысок, а сложение богатырское. Лицо хорошее, честное, с курчавой бородкой и ясными глазами.

— Ну, что скажете, товарищ?

— К вам вот,—пробормотал Петр.—Подучиться хочу... Из еографии и еометрии что-нибудь... И потом...

— Вот это самое **потом** и есть главное,—подхватил, улыбаясь, Синегуб.—Что ж, конечно, займемся. Как звать вас? Алексеев Петр Алексеевич? Ну, ладно, будем, значит, знакомы теперь.

Сблизился Петр с чайковцами. Стал проходить революционную школу, которую год спустя и Халтурин прошел. Услышал живое слово Петр, новыми глазами стал смотреть на жизнь, на порядки несправедливые. Теперь другое пошло. Прежде мечтал о книжках, и не было их. А теперь только успевай читать, времени нехватает.

После тяжелого рабочего дня принимался Петр за чтение, глотал книги одну за другой, и все больше узнавал из них хорошего, интересного и нужного. Видел перед собой царскую Россию: нищие деревни, фабрики, где изнывает рабочий люд, роскош-

ные дворцы и поместья—осиные гнезда богачей-паразитов. И вставала в душе Петра сила железная: Бороться! Победить или умереть! Выработывался из Петра стойкий революционер, способный агитатор.

Не для себя копил Петр добытые знания. Каждую искорку правды нес к своим, раздувал в сердцах товарищей то же пламя, которое горело в его груди.

Подошел 1874 год. Как раз Халтурин приехал в Петербург. Только начинался его революционный путь. А Петра уже знают среди революционеров. И когда, после разгрома кружка чайковцев, приехал в столицу революционер Джабодари,—он прямо обратился к Петру:

— Вот, товарищ, Алексеев, большое дело затеваем в Москве. Хотим создать революционную организацию. Приезжайте, вы очень нужны.

Приехал Петр в Москву. Закипела работа. В московском кружке кроме Петра было еще несколько организаторов. Только двое из них, не считая Петра, были рабочие. Остальные—студенты и студентки. Жили они по чужим паспортам, работали на фабриках.

Петр не засиживался долго на одной фабрике. Наладит пропаганду, увидит, что забродили в головах дрожжи революционные, и дальше переключивается. Так в короткое время он завязал связь с московскими фабриками. Но трудно стало работать к концу года. Разнюхала полиция, протянула

свои лапы,—нащупывала. То и дело слышит кругом Петр:

— Обыск вчера был... Книжки нашли... Схоронитесь, ребята, пока уляжется.

Ничего не поделаешь. Приходилось время от времени скрываться. Выжидали несколько дней, потом—снова за работу: снова агитируют, организуют рабочий люд, будят в нем бодрость и отвагу революционную.

В начале нового, 1875 года как будто наступило затишье. Казалось, что царские жандармы ослабили свою бдительность... Но это была хитрость. Хитрость паука, который притаился до времени, а сам высматривает, следит за каждым колыханием раскинутой паутины.

И вот, ночью 4 апреля...

— Петр, стучат!—крикнул заглушенный голос.

Кроме Петра на тайной квартире еще восемь товарищей. Вскочили. У всех одна и та же мысль: «Неужто открыли? Неужто жандармерия проклятая?» Да, сомнений нет... Бряцают сабли, молотят в дверь кулаки. Скорей! К черному ходу! Напрасно... И там уже загромыхали незваные гости... Все кончено, бежать некуда, спасение невозможно.

ЗА ПРАВДИВОЕ СЛОВО.

Арестован Петр с товарищами, и продолжают по городу обыски и аресты. За короткое время схватили пятьдесят с лишним человек—из тех, что вели революционную пропаганду.

Царское правительство не торопилось с судом— пусть, мол, погниют в предварительном заключении!

И потянулись для Петра и его товарищей долгие тюремные дни. Но Петр даже из пребывания в тюрьме извлек пользу. Ему удавалось получать книги. Он читал, пополняя свое образование.

Год прошел, другой. Тянет с судом царское правительство. Наконец в начале 1877 года открылась дверь тюремной камеры.

— Держитесь на суде незаметно, Алексеев,— учил Петра защитник-адвокат.—Прямых улик против вас мало. Вся тяжесть обвинения все равно ляжет на ваших товарищей-интеллигентов. И вы можете отделаться легким наказанием, если только...

Гордо поднял голову Петр.

— Понимаю, можете не продолжать. Выходит, спасти свою шкуру, прячась за спины товарищей? Дурачка разыграть? Я, мол, серый, необразованный, а меня образованные одурачили? Нет. Вот вам мое слово: судьям скажу прямо в лицо все, что думаю. От защиты, адвокатов, отказываюсь. Все равно это не суд, а комедия, приговор готов заранее.

Начался суд. Назвали его делом пятидесяти—по числу судимых революционеров.

10 марта очередь дошла до Петра.

— Подсудимый Алексеев, ваше последнее слово! Встал Петр.

— Не говори!—предостерегают глаза адвокатов-защитников.—Погубишь себя!

И впервые в зале царского суда загремел голос рабочего:

— Мы, миллионы людей рабочего населения, чуть только станем сами ступать на ноги, бываем брошены отцами и матерями на произвол судьбы. Мы продаемся капиталисту за кусок черного хлеба. Мы голодаем, мы спим где попало, окруженные со всех сторон множеством паразитов... Заработок рабочего довели до грошей. Из этого заработка все капиталисты без зазрения совести стараются отнимать у рабочих трудовую копейку и считают этот грабеж доходом... Неужели мы не видим, как вокруг нас богатеют и веселятся за нашей спиной? Отчего же это другие роскошествуют, не трудясь, и откуда берется ихнее богатство?

Зашевелились судьи. Беспокойно взглядывают на председателя. Но тот прямо окаменел от удивления. И все льется и льется громовая речь Петра:

— Крепостное право отменено. Но если мы предъявляем капиталисту скромные требования, а нас за это ссылают в Сибирь—значит, мы крепостные! Если мы просим у хозяина расчета, а нас приневоливают работать у него,—значит, мы крепостные! Если мы жалуемся на капиталиста, и первый же встречный жандарм бьет нас за это по зубам,—значит, мы крепостные! Из всего этого видно: рабочим остается надеяться только на себя и ни от кого не ждать помощи...

— Молчите! Замолчите!!!

Это председатель суда опомнился и вскочил с места, грозя Петру.

Но еще громче звенит беспощадная, обличительная речь. Это не обвиняемый говорит, это весь трудовой народ устами Петра судит своих палачей и угнетателей.

— Только интеллигентная молодежь откликнулась на крестьянские стоны. Она одна не может холодно смотреть на изнуренного, стонущего под ярмом деспотизма (то есть царской власти. Ред.) угнетенного крестьянина... И она пойдет с нами до тех пор, пока подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное штыками, разлетится в прах!

Все окаменели. Если бы Петр после своей речи повернулся и вышел, никто в первую минуту не остановил бы его—так велико было смятение судей и жандармов... Да, эта речь громом прозвучала на всю Россию. Ее передавали из уст в уста. Ее рассылали по фабрикам и заводам, отпечатав на листках в тайной типографии. Но царский суд сторичей отплатил Петру за его правдивое слово: десять лет каторги, а потом—ссылка в Сибирь на поселение!

ОТРЕЗАННЫЙ ОТ МИРА.

Полдороги пройдено... Кончилась первая часть страдного, страшного пути, остались позади десять лет каторги. Поселили Петра в непроходимой глуши. Дикое ущелье... Двести верст от отдаленного си-

бирекого города Якутска... Кругом якуты-кочевники. Тысячи верст легли между Петром и Россией.

Занялся Петр земледелием. Отдает свою силу земле—чужой, скупой, северной... Эх! Сколько еще силушки осталось! Вложить бы ее в дело родное, взяться бы снова за революционную работу. Кажется, горы бы сдвинул!

«Заживо погребен здесь,—думает Петр в долгие северные ночи.—Не вырваться, не убежать»...

Годы идут...

«Хоть бы одного живого человека из России повидать!—думает Петр.—Что-то у них делается? Не замерла ли борьба? Не ослабела ли рука рабочего?»

И сбылась однажды его скромная мечта, получил он весточку желанную.

Сидел Петр в своей убогой хижине, слышит: снег скрипит, кто-то на лыжах идет под окнами. «Наверно, якут какой-нибудь забрел»,—подумал Петр. Выглянул в окно, и... сердце рванулось, дрогнуло: русский идет, рабочий, свой, русский! Петр выскочил наружу. Незнакомец тоже навстречу бросился, обнялись, словно братья кровные.

— Товарищ, товарищ милый!

— Родной мой!

— Ну говори, что у вас там, когда ты из России?

— Четыре месяца... В тридцати верстах от тебя поселился. Прослышал недавно, что тут ссыльный живет,—лыжи в охапку и к тебе вот прикатил.

— Ну, идем, идем,—рассказывай скорей,—все, все рассказывай!

И узнал Петр о событиях последних лет. Казанская демонстрация в Петербурге... Стачка на Новой Бумагопрядильне в 1878 году. Задавлена стачка полицией, но через короткое время вспыхнула вновь. Перекинулась еще на три фабрики... А тут начал работать Северный союз... Халтурин...

— Дальше, дальше!—торопит Петр.—Рассказывай!

Разгромлен Союз, задушены и эти, повторные забастовки...

— Что же, неужели все кончилось?

Нет, революционеры вступили на путь террора. Начались покушения на царя. Соловьев... Народовольцы... А потом—взрыв Зимнего дворца, подготовленный рукой Степана.

— Дальше, дальше!

Апрель 1879 года. Бунт в Ростове-на-Дону. Полицейские участки разгромлены, город целых два дня находился в руках рабочих... До прихода войск...

— А царь?

Убит. Ровно десять лет назад, 1 марта. Александр Третий теперь на престоле. Но попрежнему стонут трудящиеся, попрежнему задыхаются от произвола и насилий.

— Да, не в царя все зло,—задумчиво говорит Петр.—Не все ли равно, какой Александр на троне—второй, третий или пятнадцатый! Надо уничтожить ту силу, которая поддерживает царский трон. Надо объединить миллионы трудящихся, что-

бы вымести железной метлой всех богачей-паразитов. Только тогда наступит свобода для рабочих и крестьян...

Вечер. Рассказывает товарищ о Степане Халтурине, о славной жизни и подвигах его. Горит гордостью взор Петра.

— Да, не оскудел рабочий класс, если дает он таких героев! Не сломить его царской расправой, не запугать штыками и казачьими нагайками! Но где же теперь Степан?

— Погиб на виселице, — тихо отвечает гость. — 22 марта 1882 года...

В молчании проходят часы... Догорает лучина в горнице. И темная ночь стоит над хижинкой Петра, беспросветная ночь стоит над царской Россией.

В 1891 году Петра, с целью грабежа, убили якуты, когда он ехал в город на ярмарку. Так бессмысленно и нелепо погиб революционер, еще полный сил, полный стремления к борьбе и к победе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Не так много времени прошло с тех пор. Но сколько событий произошло за эти годы, сколько крови пролилось на этом тяжком пути... Тысячи убитых, тысячи калек, тысячи сирот и вдов по деревням, в рабочих поселках... Кровавое 9 января... Революция 1905 года. Вооруженное восстание в Москве, когда она утопала в крови. Это—кровь восставших рабочих, это—похмелье царских палачей, упоенных непрочной победой. А ленский расстрел! Рабочие, женщины и дети, расстрелянные по приказу капиталистов—владельцев Ленских приисков! Правительство Николая Кровавого распоясалось во всю. Сотнями вырастали на тюремных дворах черные виселицы. Гремели по всей России ружейные залпы. Это «царь-батюшка» отстаивал жизнь и достояние богачей. «Царь-батюшка» душил кровавой рукой растущие силы революции...

И в июле 1914 года царское правительство совершило последнее безумие: в угоду своим и иностранным капиталистам оно бросило трудящихся в чудовищную мировую войну...

Через три года рабочие в союзе с крестьянами одним ударом опрокинули прогнивший царский трон. Но власть еще была в руках помещиков и фабрикантов. Руками Временного правительства они толкали рабочих и крестьян на путь новых страданий, новых неисчислимых жертв...

И тогда, над Петроградом, над всей Россией прогремел лозунг вождя партии большевиков тов. Ленина:

— **Вся власть Советам!**

Рабочие пошли за партией коммунистов-большевиков, и в октябре 1917 года дали в братском союзе с крестьянами последний и решительный бой капиталистам и помещикам.

Вот она—гроза, зарницы которой полыхали пятьдесят лет тому назад! Вот она—настоящая революция!

Солнцем залита Красная площадь. Алые знамена плещутся над толпой, и тысячи голосов поют могучую грозную песню:

Вставай, проклятьем заклейменный.
Весь мир голодных и рабов!

Несметные рабочие колонны идут через город. Склоняются знамена перед гробом, где последним сном спит Ильич... Советский союз празднует десятую годовщину своей свободы, десятую годовщину Октября.

И чудится: из тьмы прошедших лет, из тьмы минувшего бесправия звенят далекие голоса:

— Товарищи! Милые! Ведь и наша здесь капля крови есть!

И мы отвечаем все, как один человек:

— Знаем, родные! Навеки помним всех, кто отдал жизнь за счастье трудящихся. Навеки помним и вас, Петр Алексеев и Степан Халтурин, первые рабочие вожди!

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОТКУДА И КАК МОЖНО ВЫПИСАТЬ КНИГИ ДЛЯ ДЕРЕВНИ

Москва, Центр, Госиздат „КНИГА ПОЧТОЙ“
ВЫСЫЛАЕТ

КНИГИ ВСЕХ ИЗДАТЕЛЬСТВ,
имеющиеся на книжном рынке,
немедленно по получении заказа.

Книги высылаются почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом. При высылке вперед всей стоимости заказа (до 1 рубля можно почтовыми марками) пересылка бесплатно.

ИСПОЛНЕНИЕ ЗАКАЗОВ БЫСТРОЕ И АККУРАТНОЕ

Чтобы получить книжки для деревни, надо выписать название книжки, указать, кто ее писал (автор книжки), какое количество (сколько экземпляров) требуется, сколько денег или марок высылается.

В письме необходимо указать подробный адрес заказчика, ближайшее почтовое отделение или станцию, село или деревню, волость, уезд и губернию.

Каталог (список) книг для деревни высылается по требованию бесплатно.

2007079046